

## НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ВОЛЖСКИХ БОЛГАР

За последние десятилетия в изучении истории волжских болгар достигнуты значительные успехи. Систематические работы московских и казанских научных учреждений позволили создать ряд обобщающих трудов по общим и частным вопросам политической истории, истории городов и сельского хозяйства, культуры и быта. Однако во всех этих работах наибольшее освещение получил золотоордынский период. История культуры ранних болгар, так же как и этническая их история и эпоха их миграции, до последнего времени оставалась мало изученной. Только за последние годы, главным образом при проведении работ в зоне затопления Куйбышевской ГЭС, было открыто, а затем и исследовано несколько памятников, крайне интересных для понимания ранних этапов истории. Новые материалы позволяют уточнить вопросы этнического состава пришельцев и политического строя домонгольской Болгарии, который за последнее время привлек внимание историков.<sup>1</sup>

В числе новых памятников следует отметить Кайбельский и Б. Тарханский могильник и одно погребение близ Хрящевки Куйбышевской области, открытое в насыпи кургана № 8, в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад, с украшениями: бусами и подвесками салтовского типа. Там же находился сосуд в виде чаши с круглым дном и веревочным орнаментом и рядом круглых вдавлений, напоминающий Прикамье, где такие сосуды обычны в материале начала II тысячелетия н. э. В находке этой чаши нет ничего странного. Инфильтрация прикамских племен в Среднее Поволжье отмечена еще В. В. Гольмстен<sup>1</sup>.

Открыт был ряд поселений, в числе которых большой интерес представляет Тарновское селище, Тигашевское городище, Янгильдинское селище в Чувашии, Балымерское городище в Татарской АССР, Криушское селище и Андреевское городище в Ульяновской области, исследованные в 1957—1961 гг. экспедициями Москвы, Казани и Ульяновска.

В настоящее время можно считать установленным, что болгары пришли в Среднее Поволжье в VIII—IX вв., освоив земли не только по левобережью, но и по правому берегу Волги. Эта дата устанавливается по указанным могильникам. Старая точка зрения о позднем появлении болгар в области правобережья Волги, господствовавшая в местной исторической литературе<sup>2</sup>, в настоящее время после раскопок Тигашевского городища в Южной Чувашии и Янгильдинского в районе Чебок-

<sup>1</sup> См. В. В. Гольмстен. Материалы по археологии Самарской Луки. Самара, 1924, стр. 7.

<sup>2</sup> «История Татарской АССР». Казань, 1951, стр. 64, см. карту; Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ за 1945—1952 гг. Казань, 1954, стр. 98.

каз, должна быть оставлена. Можно заметить, что и старые собрания Казанского государственного музея, к сожалению, почти не известные в науке, с рядом ранних болгарских вещей с территории города Чебоксар, заставили предполагать раннее появление болгар в Северной Чувашии. В настоящее время В. Ф. Каховским открыто и исследовано селище близ Янгильдино, не оставляющее сомнений в раннем приходе болгар на территорию Северной Чувашии. О раннем появлении болгар в левобережном Поволжье можно судить по материалу Бальмерского городища, расположенного на границе Татарской АССР и Ульяновской области, и ранних слоев городища Великие Болгары, позволяющих говорить о времени VIII—IX вв. Что касается Казанского течения Волги, то в отношении этого района существовала точка зрения о позднем заселении, нашедшая отражение во многих работах по средневековой истории и археологии ТАССР. Между тем, на Урматском селище, расположенном в 2 км от Иски Казани, километрах в 50 к востоку от Казани, были найдены образцы болгарской керамики раннего типа<sup>3</sup>. Правда, культурный слой селища в его современном виде на значительном протяжении относится к XIII—XV вв. Однако в нем в переотложенном состоянии находятся обломки болгарской гончарной посуды, характерной для X—XI вв. Такова коричневая орнаментированная широкими фасками посуда с последующим лощением, керамика с орнаментом в виде квадратов, расположенных в шахматном порядке, заштрихованных неправильными широкими фасками. Аналогичная керамика встречена и при раскопках в Казани, основание которой относится к домонгольскому времени. Такая керамика встречается только на ранних городищах, или на городищах со смешанным культурным слоем и не известна в чистых золотоордынских слоях. Эти находки заставляют считать временем заселения болгарами Казанского течения Волги период—около X—XI вв.

О раннем появлении в Поволжье болгар свидетельствуют указанные выше могильники, информация о которых в печати появлялась за последние годы неоднократно<sup>4</sup>. Двадцать погребений Кайбельского могильника с датой, устанавливаемой по вещам салтовского типа и по монете 750—751 гг., и Большетарханский могильник, подвергнутый исчерпывающему исследованию за последние годы Казанским филиалом АН СССР, дают бесспорную дату VIII—IX вв.

Вместе с тем исследованные за последние годы памятники содержат еще черты, на которые следует обратить внимание.

В этом числе прежде всего надо отметить открытый и исследованный археологами Казанского филиала Рождественский могильник, стоящий особняком среди памятников Прикамья<sup>5</sup>. Этот памятник сложный и состоит из могильника и селища доболгарского и болгарского. Последнее датируется XII—XIII вв. Наиболее древним является селище с полуземлянками почти квадратной формы, характерными для городищной культуры. По вещам, найденным в землянках, и по аналогии с хорошо датированными материалами ранний комплекс убедительно датирован исследователем IV—V вв. н. э. Второй культурный пласт составляет

<sup>3</sup> См. А. П. Смирнов. Некоторые вопросы средневековой истории Поволжья. Казань, 1957, стр. 28.

<sup>4</sup> См. А. П. Смирнов и Н. Я. Мерперт. Из далекого прошлого народов Среднего Поволжья. По следам древних культур. Госкультпросветиздат, М., 1954, стр. 36 и сл.; Н. Я. Мерперт. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957, стр. 34; Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Ук. соч., стр. 54.

<sup>5</sup> См. В. Ф. Генинг. Селище и могильник с обрядом трупосожжения доболгарского времени у села Рождествено в Татарии. МИА, № 80, 1960; В. Ф. Генинг, В. Е. Стоянов, Г. А. Хлебникова, И. С. Вайнер, Е. П. Казаков, Р. К. Валеев. Археологические памятники у села Рождествено. Казань, 1962.

могильник. На поверхности земли никаких следов погребальных сооружений не было обнаружено. Исследователь отмечает, что очертания могильных ям прослеживались обычно после снятия пахоты и слоя чернозема, лежащего ниже распашки. Могилы, как правило, выявлялись только в тех случаях, когда могильные ямы, прорезав слой чернозема, врезались в суглинок. В общем все ямы прямоугольной или овальной формы глубиной в среднем 0,4 м. На дне, иногда в специальных углублениях, находились остатки кремированных трупов и сосуды (от одного до трех и в одном случае четыре). В некоторых могилах сосудов не было. Кроме керамики находили украшения: бусы, привески, пряжки и была найдена обломанная фигурка конька.

Данный могильник стоит одиноко среди памятников Среднего Поволжья и Прикамья, на что обратил внимание его исследователь В. Ф. Генинг<sup>6</sup>. В самом деле, в Прикамье сожжения в целом необычны; крайне редкие трупосожжения были обнаружены П. А. Пономаревым в значительно более раннем Ананьинском могильнике<sup>7</sup>. Следует заметить, что необычность трупосожжений для ананьинской культуры заставила последнего исследователя А. В. Збруеву<sup>8</sup> с осторожностью и некоторой долей скептицизма отнестись к утверждению Пономарева. Почти не знает трупосожжений и более позднее время, за исключением редких курганных кремаций III—V вв. так называемого харинского времени в курганах около дер. Бурково<sup>9</sup>, а также захоронений X—XII вв. на территории бассейна Вычегды, да крайне сомнительных трупосожжений Гляденовского костыща, о чем за последнее время немало пишут приуральские археологи. Для Прикамья и Среднего Поволжья характерными являются вытянутые труположения на спине с различной ориентировкой. Трупосожжения встречаются, но они составляют меньшинство, в частности, в Нижнем Прикамье их нет. Если попытаться связать этот могильник с известными нам захоронениями, то безусловно отпадает аналогия с погребениями Кочергинского могильника на Вятке, где сожжения производились на стороне и прах погребался в ямах обычного типа, как бы приготовленных для труположений. Таковы все сожжения и в могильниках междуречья Оки и Волги. Вещи там раскладывались обычно в порядке, принятом для труположений. Нельзя связывать Рождественский могильник с более поздними Балымерскими курганами к югу от Болгарского городища. Раскопанные в 1870 г. Стояновым курганы дали трупосожжения, хорошо сопоставляемые с русскими курганами X в. и, как правильно утверждали некоторые исследователи, служащие хорошей иллюстрацией к описанию погребения руса Ибн-Фадланом.

Рождественский могильник грунтовой, без признаков могильных насыпей. Для него характерны неглубокие ямы небольшого размера, приготовленные только для захоронения остатков кремированных трупов. Остатки сожженного трупа помещались в специально вырытые ямки. Инвентарь погребения составляли сосуды и украшения (рис. 1). Если обратиться к аналогиям, то, пожалуй, наиболее близкой окажется бескурганный могильник, исследованный Д. Т. Березовцом<sup>10</sup>, близ с. Во-

<sup>6</sup> См. В. Ф. Генинг. Селище и могильник с обрядом трупосожжения доболгарского времени у села Рождествено в Татарии. МИА, № 80, 1960, стр. 144.

<sup>7</sup> См. П. А. Пономарев. Ананьинский могильник. ИОАИЭ, X, вып. IV. Казань, 1892, стр. 420.

<sup>8</sup> См. А. В. Збруева. История населения Прикамья в Ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 124.

<sup>9</sup> См. В. Ф. Генинг. Памятники харинского времени в Прикамье. КС ИИМК, 57, 1955, стр. 115.

<sup>10</sup> См. Д. Т. Березовец. Дослідження на території Путивльського району, Сумської області. «Археологічні пам'ятки УРСР». Київ, 1952, стр. 242.

лынцево Сумской области, где исследователь установил, что покойников сжигали на стороне, а урны с прахом закапывали на могильнике (рис. 2). Урны ставились также, по-видимому, с пищей. Количество сосудов в этом могильнике колеблется от 1 до 8. Кроме сосудов встречены бусы, браслеты, ножи, перстни. Отличает Рождественский могильник на нижней Каме от Волынцевского одна, правда, существенная деталь. В Рож-



Рис. 1. Трупосожжение Рождественского могильника на Каме

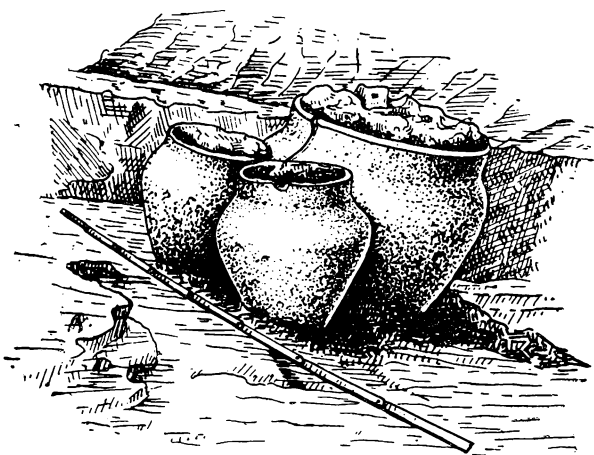


Рис. 2. Трупосожжение Волынцевского могильника

дественском могильнике кремированные кости помещались в ямках, а в Волынцевском — в сосудах. Что касается остальных показателей обряда, то они совпадают полностью. Сравнение керамики дает также ряд сходных элементов. В Рождественском могильнике керамика представлена крупными и мелкими лепными сосудами, отличающимися друг от друга техникой изготовления. Крупные сосуды вылеплены из глины с примесью мелкого песка или растительности и изредка небольшого

количества шамота. Поверхность их тщательно заглажена и один даже залощен. Среди мелких сосудов только два, отмечает исследователь в своей публикации, выполнены в этой технике. Все остальные мелкие сосуды, как правило, изготовлены очень грубо из глины с большим количеством примеси шамота и дресвы. Обжиг средний, в ряде случаев низкий. Форма сосудов крупных и мелких близка. Это горшки с раздутым туловом, вертикальным венчиком и небольшим дном (рис. 3).



Рис. 3. Сосуды Рождественского могильника

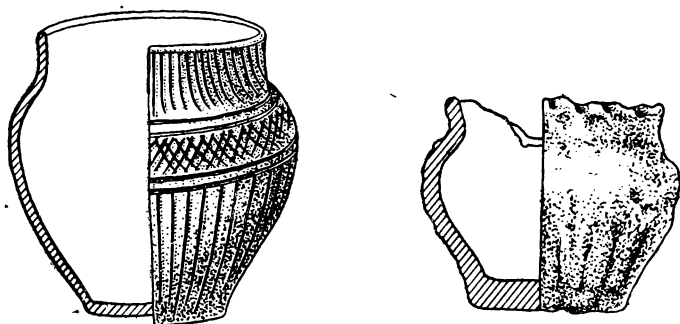


Рис. 4. Сосуды из Волынцевского могильника

В Волынцевском могильнике отмечено несколько групп керамики. Из их числа половина всей посуды принадлежит грубым лепным сосудам разных форм с примесью шамота. Одна группа состоит из сосудов с заглаженной поверхностью. Она имеет меньшую примесь шамота и более тонкие стенки. Характерная форма этой группы — неорнаментированные горшки с типичными высокими прямыми венчиками и сковородки. Такой посуды около 25%. И последняя группа, встреченная на могильнике, — керамика черного или коричневого цвета, сделанная на гончарном круге, с примесью песка. Форма гончарных изделий — горшки с высокими прямыми венчиками и лощеной поверхностью (рис. 4). Волынцевский могильник датируется его исследователем VII—VIII вв. н. э. Рождественский могильник должен быть отнесен к той же эпохе, хотя, по мнению В. Ф. Генинга, относится к более раннему времени.

В своем опубликованном отчете он пишет: «Материал вскрытых погребений позволяет датировать их широко III—VI вв. н. э. Более определенной, но менее точной датой, нам кажется, может быть VI в.». Найденный материал позволяет согласиться только с поздней датой. Аналогии, привлеченные исследователем<sup>11</sup>, взяты в очень ограниченных рамках материала из собственных исследований. Нельзя не заметить, что большинство материала имеет аналогии или в комплексах ломоватовского времени, в таких могильниках как Горбунятский, Бродовский и Грудятский, или имеет широкие хронологические рамки. Полагаю, что VI в., указанный В. Ф. Генингом, является возможной ранней датой, но данные погребения по ряду материалов могут быть отнесены и ко времени до VIII в. Остановившись на датировке, автор отмечает бусы, бытующие в широких хронологических рамках, бронзовые бляшки, разные пластинки, справедливо указывая на трудность подыскания им аналогий. Вместе с тем им отмечена находка кольца с шаровидными расширениями по окружности с указанной им правильной датой VI—VIII вв. Такие вещи часты в памятниках этого времени. Несколько более раннюю дату указывает исследователь для коньковой привески, почему-то считая, что подобные изделия относятся исключительно к харинскому времени III—V вв. н. э. Следует заметить, что в Харинском могильнике, который почему-то ряд исследователей датирует только в пределах III—V вв., встречаются и более поздние вещи, в частности шумящие украшения V—IX вв., так называемого ломоватовского времени<sup>12</sup>. Подобные фигуры известны из памятников ломоватовского времени VI—VIII вв. н. э., в частности в Грудятском могильнике. Литые накладки от пояса известны в широких хронологических рамках. С некоторыми датировками трудно согласиться. Почему-то обломок браслета из медного дрота датирован только в пределах III—V вв. н. э., в то время как подобного типа украшения бытуют в весьма широких хронологических рамках и ничего датировать не могут. Таковы же две цилиндрические пронизки, согнутые из тонких медных пластин, распространенные весьма широко и встречаемые со времени I тысячелетия до н. э. до конца I или, вернее, начала II тысячелетия н. э. Найденные пряжки нехарактерны, но с большей долей вероятности могут быть отнесены к концу I тысячелетия н. э. Все находки, сделанные на могильнике, позволяют датировать памятник не III—VI, а VI—VIII вв. н. э.

Вопрос о времени появления посуды в форме горшков с вертикальным венчиком, с заглаженной поверхностью при настоящем состоянии знания не может быть решен достаточно точно. Можно только заметить, что керамика этого типа в ранних городецких памятниках Поволжья не встречается. Близкие формы встречены в Именьковском городище, в раскопках Н. Ф. Калинина и А. Х. Халикова. К сожалению, они там не выделены в особую группу, хотя и представлены в материале первого слоя, который датируется второй половиной первого тысячелетия нашей эры.

Приведенные соображения заставляют датировать памятник VI—VIII вв. и отнести его к бурной эпохе прихода болгар в Поволжье. Он принадлежит племенам лесостепи, известным нам по Вольтцевскому могильнику, который большинством исследователей приписывается древним славянам. Этот могильник имеет и черты, сближающие его с местными культурами, что сказывается хотя бы в фигурке конька.

<sup>11</sup> См. В. Ф. Генинг. Селище и могильник..., стр. 142.

<sup>12</sup> См. А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. Изд-во АН СССР, М., 1952, стр. 182.

Большую ценность представляет селище, расположенное близ села Криуши Ульяновской области. Этот памятник был известен еще первому составителю археологической карты Симбирской губернии, В. Н. Поливанову<sup>13</sup>. Однако несмотря на столь большую давность его открытия, раскопки его были произведены только в советский период Куйбышевской экспедицией АН СССР. Здесь был открыт ряд хозяйственных сооружений, в частности, цилиндрической и колоколовидной формы зерновые ямы и остатки жилищ. Одно из последних было исследовано полностью и позволило дать его реконструкцию. Жилище представляет углубленное в землю помещение подквадратной формы, с глинобитной печью 1×1 м, типа, широко распространенного в области лесостепи. Печь помещалась в углу, рядом с выходом, который условно установлен по следам основ выходной двери. Открыты остатки пола, рухнувшая

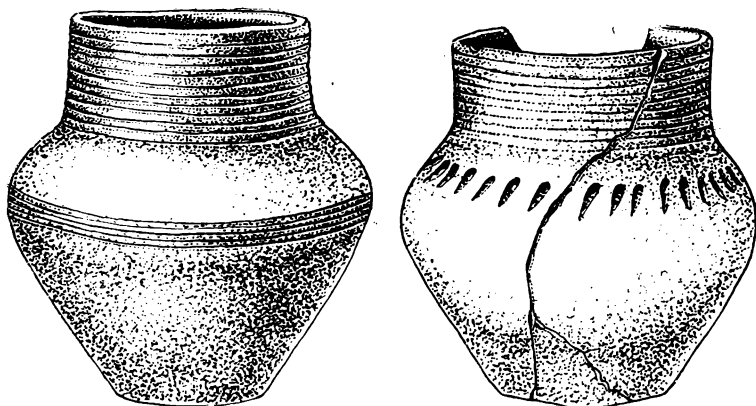


Рис. 5. Сосуды из раскопок селища Криуши Ульяновской обл.

полка с сосудами, небольшая кладовка и остатки столбов, позволяющие реконструировать стены из вертикальных бревен и двускатную кровлю. Весь найденный материал не оставляет сомнения в принадлежности этого поселка пришельцам булгарам. Большая часть керамики аналогична посуде, характерной для болгарских городищ Среднего Поволжья. Здесь встречена гончарная посуда сероглиняная, красноглиняная и желтоглиняная. Часть посуды прекрасного обжига, часть плохого. По своим формам посуда делится на кувшины, горшки и миски. Особо следует отметить гончарные горшки с раздутым туловом и с вертикальным горлом (рис. 5).

Эта последняя группа сосудов представляет полную аналогию гончарным горшкам с вертикальным горлом, найденным на Волинцевском могильнике и таких городищах, как Ново-Троицкое. Опубликовавшая этот материал Н. В. Тухтина отмечает аналогии им, сопоставляя ее находкой в Дмитриевском и Салтовском могильниках, где такой же сосуд резко выделяется среди обычной салтовской керамики<sup>14</sup>. Кроме данной группы следует отметить лепную посуду, количество которой достигает 30% общего числа керамических находок. Она приготовлена из глины с примесью грубого песка, шамота или дресвы. Значительное число этой посуды украшено линейным, волнистым или ногтевым орнаментом. Вен-

<sup>13</sup> См. В. Н. Поливанов. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск, 1900, стр. 9—10.

<sup>14</sup> См. Н. В. Тухтина. Раскопки 1957 г. близ села Криуши Ульяновской области. МИА, 1960, № 80, стр. 150.

чки часто имеют различного рода насечки, ямки или нарезки. Посуда, отмеченная в публикации Тухтиной, не характерна для Среднего Поволжья. В местной городецкой и лепной посуде последующего времени нет такого разнообразия форм и орнаментики. Такая посуда встречается южнее и известна среди материалов Саркела. Кришская и саркельская лепная керамика имеет одинаковый профиль, один и тот же венчик, один и тот же орнамент. Кроме описанной есть и посуда городецкого типа и группа с примесью раковины.

Данный памятник в настоящее время опубликован, и не следует задерживаться на обосновании его даты. Селище датируется IX—XI вв. н. э. Оно оставлено болгарами, которые принесли с собой в Поволжье более высокую культуру, представленную различными элементами. В Кришском селище выделяются несколько элементов, в их числе собственно болгарский, затем волынцевский, представленный крайне ограниченным числом находок, городецкий.

Кроме этих совершенно ясных элементов следует отметить одну находку — миску-треножник, которая выделяется из всего материала. Миски на трех ножках сравнительно редкие, однако не единичные находки. В большинстве случаев они имеют прямые ножки, в то время как ножки Кришской напоминают лапы животных, скорее всего, черепахи. Аналогичная находка известна с городища Б. Тояба в Чувашии и Хулаш из северных районов Болгарии. По своей форме и, главное, по форме ножек они несколько напоминают китайские прототипы танского времени.

В 1960 г. было раскопано Андреевское городище в Ульяновской области, давшее близкий материал. Городище представляет феодальное укрепление, окруженное тремя деревянными того же времени (X—XII вв.). Там были открыты остатки ранее укрепленной полосы в виде тына и затем более поздние в виде сложной системы ровов и валов. Была найдена керамика, обычная для болгарских ранних, домонгольских памятников. Однако горшков волынцевского типа там найдено не было.

Один фрагмент горшка этого типа, с вертикальным горлом и лощением был найден на Тигашевском городище в Южной Чувашии.

Новый материал, полученный раскопками последних лет, позволяет сделать некоторые выводы и внести коррективы в существующие положения. Болгарская орда, отошедшая на север, в область Среднего Поволжья, была многоплеменной и не родственной по своему составу. В числе пришельцев, кроме основных болгарских племен, были и племена из области лесостепи, оставившие могильники типа Волынцевского. Среди археологов существует мнение, неоднократно высказанное в печати, что волынцевский могильник был оставлен славянами<sup>15</sup>. Эти племена проникали на Волгу и нижнюю Каму, что хорошо документируется наличием Рождественского могильника, который не может быть отнесен к памятникам городецкой культуры, хотя и имеет общие с ними элементы. Этот могильник не имеет черт болгарской культуры. Можно думать, он представляет наиболее северный пункт распространения пришельцев. Вместе с тем нет оснований полагать в племенах, оставивших Рождественский могильник, особую волну, оторванную от болгар. Материал Кришского селища Ульяновской области, Тигашевского городища южной Чувашии свидетельствует о смешанном составе откочевавших к северу болгарских племен. Весьма вероятно, что славянский этни-

<sup>15</sup> См. Д. Т. Березовецъ. Допитання про літописних сіверян. «Археологія», VIII, стр. 28.



ческий элемент, представленный Рождественским могильником, не был особенно значителен. Правда, он весьма ощутим не только в отдельных памятниках, как например в Криушском селище, он был прослежен в ранних слоях крупных болгарских городищ, таких, как, например, Сувар или Болгары. Здесь он представлен главным образом гончарной посудой. Известен он в материале Балымерского городища, городища Хулаш, Кайбельского селища, Малопальцинского и Большепальцинского селищ. Причем в коллекциях указанных памятников эта характерная керамика известна как в виде гончарной, так и лепной посуды. Наличие смешанного этнического состава болгарских орд не является необычным. Изучение материалов средневековых памятников, проведенное за последние годы в Саркеле, показывает, что еще в хазарский период население города было смешанным и там наряду с салтовцами жили славяне и кочевники, причем обе последние категории, как можно судить по керамическому материалу, составляли половину населения города. Славяне, как можно судить по письменным данным средневековых авторов, еще на юге являлись соседями болгар, утургуров и кутургуров и принимали активное участие в борьбе племен Северного Причерноморья и Фракии. Поэтому совершенно естественна славянизация болгар еще в степных южных районах. О процессе славянизации писал в свое время Маркварт, этот процесс предполагали М. И. Артамонов и С. П. Толстов<sup>16</sup>.

По-видимому, тяжелая обстановка, которая сложилась в степях Приазовья и Прикаспия в эпоху сложения хазарского каганата и которая вынудила болгарские племена отойти частично на запад и на север, коснулась не только болгар, но захватила многие племена лесостепной полосы, в частности, племена, оставившие такие памятники, как Волянцевский могильник или Ново-Троицкое городище, давшее тоже тип углубленных в землю жилищ с такими же глинобитными печами и, в частности, с горшками, лепленными от руки, с вертикальным венчиком. Все это свидетельствует, с одной стороны, о сложной политической обстановке на юге, а с другой — о тесном контакте оседлых и кочевых племен, ушедших на север, в область Среднего Поволжья. Пришельцы при своем движении на север потеснили местное исконное население городищской культуры, которое принуждено было отступить к северу. Весьма показательным в этом отношении селище, расположенное около старой деревни «Городище» в Ульяновской области, в настоящее время затопленной Большой Волгой. Селище размывается прибоем, благодаря чему хорошо видна стратиграфия слоев. Верхний слой (точнее слои) относится к болгарской культуре начиная с раннего времени; нижний слой принадлежит городищской культуре. Этот памятник дает хорошее представление о смене населения. Это подтверждает и ряд болгарских памятников.

Несколько другая картина вырисовывается в северной части болгарского царства, в Северной Чувашии, в районе Болгарского городища, где процесс ассимиляции прослеживается гораздо ощутимее. В частности, А. М. Ефимова, изучая материал могильника Бабий бугор, отметила отчетливо выраженный в пережиточной форме местный погребальный обряд, прослеженный в некоторых характерных деталях, сохранившихся долгое время в ритуале финно-угорских народов Поволжья<sup>17</sup>.

<sup>16</sup> См. Marquart. Die altbulgarischen Ausdrücke in der Inschrift von Catalar und der altbulgarischen Fürstenliste. «Изв. Русского археол. о-ва в Константинополе», т. XV. София, 1911, стр. 11; М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Совэкиз, М., 1937, стр. 29; С. П. Толстов. Из предыстории Руси. «Советская этнография», VI—VII, 1947, стр. 55.

<sup>17</sup> См. А. М. Ефимова. Могильник на Бабьем бугре городища Болгары, МИА, № 80, 1960, стр. 194.

Приход болгарских смешанных орд вместе с племенами лесостепи — славянами документируется достаточно убедительно. Наличие последнего этнического элемента подтверждается могильниками со сходным обрядом погребения, аналогичной керамикой и типом жилища с глинобитной печью. Комплекс указанных признаков документирует присутствие славянских групп в болгарских ордах.

Нет никаких оснований полагать, что в новой обстановке племена Рождественского могильника сыграли какую-либо активную роль. Весь материал могильника показывает, что пришельцы попали под влияние местного населения, что привело при своеобразии культуры Рождественского могильника к наличию у них черт, свойственных городецкой культуре. Это и определило то впечатление, которое заставило некоторых исследователей включить его в число памятников, принадлежащих местным племенам.

Может ли материал, полученный археологами, свидетельствующий о разнородном составе болгарских орд, о наличии в нем славянского компонента, как-то объяснить титул болгарского царя Алмуша, которого именовали царем славян, как он назван в письме к халифу Муктадиру, известному нам по записке Ибн-Фадлана, автора X в., посетившего Болгары в 922 г. Имеющийся в нашем распоряжении материал этот вопрос не решает.

За последние годы снова поднят вопрос о принадлежности болгар к числу гуннских племен. Эта точка зрения получила обоснование и у археологов и у языковедов. В настоящее время в культуре и языке чувашей находят элементы, указывающие на культурные связи с древним Китаем<sup>18</sup>.

Изучение болгарских памятников Поволжья, которые принадлежат предкам чувашей и татар, не содержит никаких элементов, которые могли бы быть приписаны в своей основе гуннам. Генезис форм салтовской и болгарской культур восходит к сарматским материалам не столько позднего, сколько раннего времени. В частности, некоторые детали погребального обряда восходят к прохоровской стадии. Антропологический материал не решает этого вопроса, но он не противоречит положению о связях болгарских черепов с сарматскими. Письменные источники в оценке этнической принадлежности болгар противоречивы. Однако большинство источников разделяет болгар и гуннов. (Моисей Хоренский: «К северу от них живут народы турков и болгар»; Иордан: «...места расселения булгар, которых весьма прославили несчастья, совершившиеся по грехам нашим. А там и гунны... одни из них зовутся алыцтагирами, а другие савирами»).

Вместе с тем все источники согласно причисляют савиров, сувазов к числу гуннов. Однако археологически они не отделяются от болгар. Китайских элементов, которые могли бы быть отнесены ко времени прихода болгар, в нашем распоряжении нет. Чаши на 3 ножках, сопоставляемые с китайскими вазами, к этой категории отношения не имеют, так как датируются более поздним временем.

Таковы материалы, характеризующие этнический состав болгар, сточевавших в Среднее Поволжье.

Второй вопрос касается проблемы политического строя волжских болгар домонгольского периода.

В исторической науке до самого последнего времени нет единой точки зрения на общественный строй Волжской Болгарии, хотя эта те-

<sup>18</sup> См. В. Д. Дмитриев. О происхождении чувашского народа. «Мат-лы по истории Чувашской АССР», вып. 1. Чебоксары, 1958, стр. 54.

ма давно не сходит со страниц научных исследований. Не останавливаясь на старых работах, как например, исследование К. Голубовского<sup>19</sup>, в котором общественный строй Болгарии определен как торгово-промышленный, на работах И. И. Смирнова<sup>20</sup>, который подчеркивал торговый и промышленный характер государства, следует отметить, что точно определил общественный строй Болгарии В. Ф. Смолин<sup>21</sup>, указавший на его феодальный характер. Позже, в 1938 г., о болгарях писал А. П. Смирнов<sup>22</sup>, отметивший наличие феодальных отношений. В более аргументированном виде этот тезис был изложен в очерках того же автора по истории древних болгар в 1940 г.<sup>23</sup> Позже, в 1945 г., академик Б. Д. Греков<sup>24</sup> высказал тезис, что в IX—X вв. общественный строй Болгарии может быть определен как дофеодальный. Он считал, что феодальные отношения оформились лишь в XIII в., когда Болгария распалась на два княжества — Болгарское и Жукотинское.

В моей монографии «Волжские болгары», опубликованной в 1951 г., сохранен старый тезис о наличии феодальных отношений с X в., приблизительно с 60-х годов. В 1955 г. в «Истории ТАССР» Н. Ф. Калинин<sup>25</sup> было высказано положение, что Болгария в VIII—X вв. была раннефеодальным обществом с некоторыми пережитками патриархальных отношений. Основная масса населения Болгарии представляла феодальнозависимых крестьян-земледельцев, скотоводов и городских ремесленников.

На несколько других позициях стоят В. Д. Дмитриев и И. П. Паньков<sup>26</sup>, определившие Волжскую Болгарию, как восточнофеодальное государство: «Общественный строй Волжской Болгарии X—XII вв., по видимому, имел много черт восточного деспотического феодального строя, переплетающегося с рабовладением, с одной стороны, и выделением частных феодалов-землевладельцев — с другой. В лице болгарского царя мы имеем прежде всего деспота». В 1957 г. И. Д. Кузнецов резко выступил против концепции феодальной Болгарии, определив, что «в социально-экономической характеристике Волжской Болгарии историки и археологи сплошь и рядом допускают ошибки из-за того, что, во-первых, не учитывают того, что она и не выходила из рамок азиатской формы господства и подчинения, во-вторых, того, что торговля Болгарии держалась и города болгарские жили главным образом на базе транзитной, посреднической торговли»<sup>27</sup>. Далее, в подтверждение своего тезиса о торговле И. Д. Кузнецов приводит положение, высказанное Марксом: «...торговля первых самостоятельных, пышно развившихся торговых городов и торговых народов, как торговля чисто посредническая, основывалась на варварстве производящих народов, для которых они играли роль посредников»<sup>28</sup>.

<sup>19</sup> См. К. Голубовский. Болгары и хазары. «Киевская старина», 1888, июль, т. 22, стр. 26.

<sup>20</sup> См. И. И. Смирнов. Волжские болгары. «Русская история в очерках и статьях», под ред. Довнар-Запольского, вып. I, М., 1910, стр. 16.

<sup>21</sup> См. В. Ф. Смолин. Археологический очерк Татарской Республики. «Мат-лы по изуч. Татарстана», вып. II, Казань, 1925, стр. 32.

<sup>22</sup> См. А. П. Смирнов. О возникновении государства волжских болгар. ВДИ. 1938, № 2, стр. 99.

<sup>23</sup> См. А. П. Смирнов. Очерки по истории древних болгар. «Тр. ГИМ», вып. XI, 1940, стр. 55.

<sup>24</sup> См. Б. Д. Греков. Волжские болгары в IX—X вв. «Ист. зап.», 1945, № 14, стр. 3.

<sup>25</sup> «История Татарской АССР», т. I, Казань, 1955, стр. 63.

<sup>26</sup> «Материалы по истории Чувашской АССР», вып. I, стр. 69.

<sup>27</sup> И. Д. Кузнецов. Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары, 1957, стр. 22.

<sup>28</sup> К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 342; И. Д. Кузнецов. Ук. соч., стр. 23.

Чтобы не возвращаться к вопросу о торговле, замечу, что археологи и подавляющее число историков после раскопок болгарских городов и анализа восточных сведений не сомневаются в ремесленном характере болгарских городов. Болгарские городские ремесленники распространяли свою продукцию и по всему Поволжью, и Приуралью, и в более отдаленные местности, в частности в русские княжества (Владимир, Суздаль, Киев, Москву, Новгород).

Болгары вели и большую посредническую торговлю, но не более, чем Новгород Великий, и не более, чем Москва, в ремесленно-торговом характере которых никто не сомневается. Да и соседи болгар отнюдь не были такими варварами, как народы, о которых писал Маркс. Финно-угры стояли на стадии классообразования. Они имели свои, правда, небольшие, но ремесленные пункты. В XII в. мордовские племена входили в состав двух крупных феодальных объединений, Рязанского и Болгарского. Их материальная культура близка болгарской. Близка культура половцев, общественный строй которых может быть определен как кочевой феодализм.

Что касается общественного строя Болгарии, то И. Д. Кузнецов определяет его так: «Волжская Болгария была страной азиатского деспотизма, державшегося на том, что суверенный землевладелец (альтебер) со свитой усугубов, турунов (наместников) и тарханов подчинил массу производителей, как хура-халах, эксплуатировал ее, собирал с него куланай, привлекая его ко всякой (военной, строительной и т. п.) повинности»<sup>29</sup>.

Таковы точки зрения на общественный строй Волжской Болгарии. Такая несогласованность объясняется недостатком источников и отсутствием исторических данных самого народа. Мы судим о болгарях, с одной стороны, по сведениям арабов, которые сравнивали общественный строй болгар с хорошо им известным государственным строем восточных государств, главным образом Арабским халифатом, с другой стороны, привлекая для анализа общественного строя русские источники. Мы не должны забывать, что русский летописец оценивал болгарские общественные отношения под углом зрения понятных ему социальных отношений Руси. Эти две категории источников несомненно накладывают отпечаток на выводы историков и в значительной мере определяют различную оценку общественного строя государства волжских болгар. Не следует забывать, что обе группы источников содержат отрывочные впечатления или касаются вопросов, связанных с внешней историей и касающихся взаимоотношений с их странами. Так, восточные авторы много внимания уделяют связям с Арабским халифатом, русский летописец касается главным образом вопросов взаимоотношений Руси и Волжской Болгарии.

Большую осторожность надо проявлять и при анализе социальных терминов, так как во многих случаях неизвестен смысл, вкладываемый в термины авторами сообщений. Отсутствие достаточно полных сообщений, характеризующих внутренний строй Болгарии, заставляет при исследовании этого вопроса идти путем перекрестного сопоставления разного рода документов, письменных и вещественных.

Прежде чем говорить по существу поднятого вопроса, следует точно определить сущность восточного и европейского феодализма.

Изучение всех восточных феодальных обществ показывает, что все они сложились на основе восточных рабовладельческих государств. От рабовладельческих обществ перешла к феодальному государствен-

<sup>29</sup> И. Д. Кузнецов. Ук. соч., стр. 23.

ная машина, с хорошо налаженным чиновничьим аппаратом: совпадение ренты и налога, принадлежность земли и ирригационной системы государству, содержание чиновников за счет государственной казны, сильные пережитки рабства, наличие свободных общинников.

Западный, как и русский, феодализм характеризуется сложением феодальных отношений на основе распада родовых отношений. В силу этого в этих обществах не могло существовать сильно развитое рабство. Оно было, так как в форме патриархальной существовало уже на стадии военной демократии. Не надо забывать также, что войны, широко развитые в эпоху становления феодальных отношений и в эпоху феодализма, приводили к захвату пленных, обращаемых в рабство и продаваемых в большей своей части на восток. Здесь захват земли князем у свободных общинников и у покоренных племен приводит к концентрации земель в руках одного лица, к раздаче их своим приближенным, в вознаграждение за службу. С этим связано и получение государственных прав, прав суда и т. д. Такие отношения постепенно складываются на Руси в эпоху Киевской Руси, а на западе начинаются в эпоху Меровингов. На Руси существуют категории зависимых крестьян, свободные общинники, количество которых резко падает с развитием феодальных отношений, и наконец рабы. Государство франков также знает свободных крестьян, зависимых и рабов.

Начало феодальной раздробленности на Руси относится к середине XI в. у франков — ко времени Людовика Благочестивого, сына Карла Великого. Следует заметить, что между восточным феодализмом и европейским нет резкой разницы. Земля на востоке принадлежит государству. В Западной Европе общинная земля, захваченная князем, также принадлежит ему. Из этого фонда он дает пожалования или бенефиции. Только со временем поместья становятся наследственными. Свободная община существует везде, рабство также везде. На востоке феодальные пожалования существуют с IX в.

Если мы под углом зрения восточного и европейского феодализма посмотрим на Волжскую Болгарию, то мы сможем установить следующее.

Волжская Болгария сложилась в процессе классового образования у болгарских и финно-угорских племен. Ведущую роль сыграла болгарская знать. Однако следует заметить одну тенденцию, ярко прослеживаемую в археологическом материале.

Распространение укрепленных небольших городищ того типа, которые всюду в Европе считаются княжескими усадьбами, начинается приблизительно с IX в. Князья в первую очередь захватывают родовые убежища, как на Елабужском Чертовом городище, где возникают укрепленные дома.

Едва ли при становлении классового общества на основе распавшейся родовой общины центральная власть обладала аппаратом по сбору налогов, из сумм которых она могла платить содержание своему аппарату. Если это был вассал, то неизбежно князь должен был дать ему в кормление область, с которой и сбиралась дань. Так было и в Киевской Руси, когда отдельные княжеские дружинники получали в управление целые области с правом взимать дань. Вначале дань собиралась во время полюдя — периодических объездов подвластных земель князем с дружиной, но затем стала вводиться постоянная администрация на местах, были установлены твердые дани и оброки с места сборов дани. Позднее эти земли перешли в собственность феодалов различных рангов. К раннему периоду болгарского государства относится знаменитое Тигашевское городище, значение которого выходит из

рамек истории одной Чувашской республики, городище, заслуживающее дальнейших раскопок. Здесь князь захватывает не родовое убежище, а святилище, окружает его вместе с усадьбой системой укреплений и, опираясь на святыню рода или племени, эксплуатирует прилегающие села. Возникновение этого замка датируется в пределах конца IX—X в. Андреевское городище в Ульяновской области, изученное в 1960 г., также представляет усадьбу среди болгарских деревень. Дата его возникновения — X в.

Какие же письменные документы мы можем сопоставить с замками князей времени сложения болгарского государства? Прежде всего, записку Ибн-Фадлана. Она не рисует нам всесильного владыку, властителя значительной территории. Перед нами крупный феодал, обратившийся за помощью к арабскому халифу, за помощью в трудное время, когда болгарский князь в условиях хазарской зависимости должен был создавать государство.

В записке Ибн-Фадлана сказано: «Сказал Ахмед Ибн-Фадлан: Когда прибыло письмо Алмуша сына Шилки йылтывара, царя «славян» к повелителю правоверных ал-Муктадиру, в котором он просит... его о постройке крепости, чтобы укрепиться в ней от царей своих противников, — было дано согласие на то, о чем он просил»<sup>30</sup>.

Интересны данные о взаимоотношениях вождей отдельных племен к царю болгар.

«Он сказал: И отъехал царь от воды, называемой Хеллече, к реке под названием Джавшыр и оставался около нее два месяца. Кроме того, он захотел, чтобы произошла перекочевка [племен], и послал за народом, называемым суваз, приказывая им перекочевать вместе с ним. [Они] же отказали ему. И [они] разделились на две партии. Одна партия — с [разным] отребьем, и над ними [еще раньше] провозгласил себя [самозванным] царем [князем] [некто] по имени Вырыг. И послал к ним царь [булгар] и сказал: «Воистину, Аллах могучий и великий даровал мне ислам и верховную власть повелителя правоверных, и я — раб его [Аллаха] и это — дело, которое он возложил на меня, и кто будет мне противиться, того я поражу мечом. — Другая же партия была вместе с царем [князем] из [кочевого] племени, которого называли царем [племени] эскэл. Он был у него в повиновении, хотя [официально] еще не принял ислама. — Когда же он [царь] послал им [первой партии] это послание, то [они] испугались его намерения и все вместе поехали совместно с ним к реке Джавшыр»<sup>31</sup>.

Эти данные рисуют нам взаимоотношения не владыки и его чиновников, а скорее князя с вассалами.

О феодальных отношениях свидетельствует и нумизматический материал двух городов болгар — Суvara и Болгара. Из болгарских монет до нас дошли: монета Джафара ибн-Абдаллаха (без места и года чекана, но не позднее 320 г. х.), многочисленные монеты Михаила ибн-Джафара (без указания и с указанием места чекана — Булгар; но без года чекана — не позднее 320 г. х.), монеты Абдаллаха ибн-Михаила (чеканенные в Булгаре в 336 или 346 г. х.) и, наконец, монеты Мумина ибн-ал-Хасана (чеканенные в Булгаре в 366 и 376 гг. х.). Суварский чекан представлен монетами Талиба ибн-Ахмеда (366 г. х.)<sup>32</sup>.

Судя по монетному материалу, город Сувар был центром суверен-

<sup>30</sup> А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 139.

<sup>31</sup> Там же.

<sup>32</sup> С. А. Янин а. Новые данные о монетном чекане Волжской Булгарии X века. МИА. № 111, 1962.

ного княжества, в котором князь имел право чеканить монету со своим именем, без указания на вассальную зависимость от Булгара. При болгарском князе Алмуше ибн-Шилки Сувар мог представлять серьезную враждебную силу, заставившую князя Алмуша, в числе прочих причин, прибегнуть к помощи халифата. Известен рассказ Ибн-Фадлана о столкновении Джафара ибн-Абдаллаха (Алмуша) с племенем суваз в 922 г., когда суваз воспротивились принятию ислама.

О феодальной борьбе более позднего времени данные содержатся в русской летописи<sup>33</sup>.

«В лето 6691. Князь великий Всеволод иде на Болгары, а с ним сыновец его Изяслав Глебовичь, и Володимер Святославичь, и Мстислав Давыдовичь, и Резаньстий князи Роман, и Игорь, и Всеволод, и Володимер Глебовичи, и Муромский Володимер; и пришед в землю Болгарскую, высаде из насада на берег, и поиде к Великому городу, и постоя пришед по Тукчин городок два дни, а на 3-й день поидоша к городу. И сторожевье Всеволожи узреша полк в поли, и мнеша Болгарский полк, и се приехоша от полку того 5 человек и удариша челом пред князем великим Всеволодом, глаголюще: «кланяють тя ся, княже, Половци Емякове, пришли есми ко князем Болгарским воевать Болгар; слышахом бо тебе идуща их же воевать». Князь же великий Всеволод подумав с братьею и со всею дружиною, води их в роту Половецкую, поем их с собою поиде к Великому городу: и перешед Черемисан, изрядив полки ста со дружиною. А Изяслав Глебович со своими полки взял копие и потче ко оплоту, идеже бяху пеши вышедше из града учинили себе твердь оплотом; Изяслав же выгнав оплот ко врагом градным, и ту изломи копие свое, и удариша и стрелою во сердце сквозе броне, и отъиде оттуду еле жив и несоша его во стан. Болгари же из города из Собекуля и из Челмата поидоша в лодиях и из Торцкого на конех к людям Всеволожим, Всеволод же оставил бяше у лодий Белозерский полк: пришедше же Болгари близ к лодиям, и устремишася на бой, они же Божию помощию укрепльшеся поидошу противу им: видевше же их Болгари, и устрашишася побегоша, Белозерци же со прочими своими вои погониша их секуще я, они же побегоша к учаном и начаша метатися в них, и абие учены опровергошася с ними, истопи их ту более тысячи».

Все эти сопоставленные археологические и исторические данные не оставляют сомнения в отнесении волжских болгар к числу государств типа европейского феодализма.

Нет никаких оснований видеть в болгарском домонгольском государстве деспотию восточного типа.

<sup>33</sup> ПСРЛ, т. 25. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 90.

